

A man with dark, wavy hair and a beard, wearing a blue jacket over a brown vest and a white cravat, is looking intently at the camera. He is holding an open book in his hands. The background is a library with bookshelves filled with books.

Андрей Макаров

Условия памяти

Андрей Макаров

Условия памяти

«Автор»

2026

Макаров А. О.

Условия памяти / А. О. Макаров — «Автор», 2026

Максим Бережной получает неожиданное известие: незнакомый человек оставил ему крупное наследство. Но есть странное условие — деньги он получит только тогда, когда вспомнит, кто этот человек. Проблема в том, что Максим не помнит его вовсе. Сначала это кажется ошибкой, розыгрышем или чьей-то жестокой игрой. Но чем дальше Максим пытается разобраться, тем больше понимает: в его прошлом есть пустые места, о которых он сам не хочет знать. Старые документы, чужой дневник, забытые имена и странные совпадения шаг за шагом ведут его к тайне, которую кто-то очень хочет ему поведать. «Условие памяти» — напряжённый психологический триллер о прошлом, которое нельзя просто стереть. О памяти, вине и человеке, который однажды должен будет ответить на самый страшный вопрос: что именно он забыл?

© Макаров А. О., 2026

© Автор, 2026

Андрей Макаров

Условия памяти

Глава 1

Максим Сергеевич Бережной пришёл к нотариусу на семь минут раньше.

Он не любил приходить заранее. В этом было что-то просительное: человек уже согласился ждать. Но такси доехало слишком быстро, высадило его у серого дома с аптекой на первом этаже, и Максим решил не ходить кругами по кварталу, изображая занятость перед незнакомыми окнами.

Нотариальная контора занимала помещение между аптекой и магазином штор. На двери висела матовая табличка: «Сычёва Елена Павловна. Нотариус». Ниже — часы приёма, номер лицензии и лист в прозрачном файле: «Приём по предварительной записи».

Всё выглядело настолько обычно, что, толкнув дверь, Максим сразу почувствовал досаду на себя. Он успел придать этому вызову слишком много значения.

В приёмной пахло бумагой, старым тонером и чем-то аптечным. Три стула, кулер, стойка администратора, пыльный фикус в углу. За стойкой сидел молодой человек в новой белой рубашке.

- Добрый день. Вы записаны?
- Бережной. На одиннадцать тридцать.
- Максим Сергеевич?
- Да.
- Паспорт, пожалуйста.

Максим достал паспорт. Молодой человек сверил данные с экраном. На столе у него лежало несколько папок. На верхней, на белой наклейке, было напечатано: «Говоров Г. А.»

Имя ничего не вызвало. Просто фамилия. Чужая, ровная, напечатанная чёрными буквами.

- Присаживайтесь, пожалуйста. Елена Павловна сейчас освободится.

Максим сел. На стене висели часы с логотипом какого-то банка. Секундная стрелка шла рывками и каждый раз чуть слышно щёлкала.

Он снова открыл письмо, из-за которого приехал сюда: «В связи с открытием наследственного дела просим явиться...» Ни суммы, ни фамилии наследодателя. Только номер дела и подпись Сычёвой.

Наследственное дело.

Сначала он решил, что умер кто-то из дальних родственников. Потом вспомнил, что дальних родственников, способных оставить ему хоть что-то через нотариуса, у него, кажется, не было.

Слово «кажется» ему не понравилось. В нормальных вещах не должно быть «кажется». Дверь кабинета открылась.

- Максим Сергеевич? Проходите, пожалуйста.

Кабинет нотариуса был небольшим и безупречно аккуратным: стол, два стула для посетителей, шкафы с одинаковыми папками. На столе — печать, календарь, стакан с ручками. Окно выходило во двор.

Елена Павловна Сычёва поднялась ему навстречу. Лет пятьдесят, может быть, чуть меньше. Тёмный пиджак, короткие ногти без лака, тонкая цепочка у воротника. Просто человек на работе.

- Добрый день, Максим Сергеевич. Присаживайтесь.

Он сел. Она ещё раз посмотрела паспорт, затем перевела взгляд на бумаги.

— Вы получили наше уведомление.

— Да. Хотя не очень понял, о чём речь.

— Сейчас объясню. Открыто наследственное дело после смерти Германа Аркадьевича Говорова.

Она произнесла это ровно, как номер договора или адрес. Максим подождал, что за фамилией последует пояснение.

Не последовало.

— Простите, кого?

— Германа Аркадьевича Говорова.

Она слегка повернула к нему лист. На листе были строки, печати, подписи. Фамилия действительно стояла там.

— Я не знаю такого человека, — сказал Максим.

— Понимаю.

Слишком быстро. Не удивлённо. Так отвечают на фразу, которую уже ждали.

— Возможно, ошибка?

— Ваши данные указаны полностью: фамилия, имя, отчество, дата рождения, паспортные сведения, адрес регистрации.

— Паспорт менялся.

— В деле есть сведения о замене.

Максим посмотрел на неё внимательнее. Елена Павловна говорила спокойно, не нажимая на странные места. От этого странные места выступали ещё резче.

— Когда он умер?

— Семнадцатого апреля этого года.

— И кем он мне приходится?

— В документах родственная связь не указана. Завещать имущество можно любому лицу.

В коридоре хлопнула входная дверь. Потом за стеной тихо зажужжал принтер. Обычный офисный звук, почти успокаивающий.

— Я правильно понимаю, — сказал Максим, — какой-то человек, которого я не знаю, оставил мне наследство?

— Да.

— Это звучит как начало мошеннической схемы.

— Я понимаю, как это звучит. Но юридически документ составлен без нарушений. Личность завещателя установлена. Дееспособность подтверждена.

— Мне нужно будет что-то оплатить заранее?

— Только установленные платежи. Переводов на сторонние счета не требуется.

— Отлично. Значит, если это мошенничество, то скучное.

Она посмотрела на него поверх очков.

— Я бы не называла это мошенничеством без оснований.

— А как бы вы назвали?

Елена Павловна сделала паузу. Совсем небольшую — в один щелчок настенных часов.

— Наследственным делом с условием.

Вот тут стало неприятно.

Не страшно. Не тревожно. Просто слово «условие» прозвучало так, будто уже имело отношение лично к нему. До этого можно было держаться за ошибку, однофамильца, технический сбой. Условие было другим. Условие всегда кому-то предъявляют.

— Каким условием?

Елена Павловна взяла верхний лист, аккуратно выровняла его по краю стола.

— Наследодатель завещал вам денежные средства в размере десяти миллионов рублей. Максим промолчал.

Он не сразу понял, что именно должен почувствовать. Десять миллионов были большой суммой. Очень большой.

Но ничего ожидаемого в голове не возникло. Только досадная мысль: чем больше сумма, тем глупее всё выглядит.

— Рублей?

— Рублей.

— Понятно.

— Но получение этих средств возможно только при выполнении условия, указанного завещателем.

— Какого?

Елена Павловна опустила глаза в документ.

— Формулировка следующая: «Денежные средства передаются Максиму Сергеевичу Бережному при условии, что он вспомнит, кто такой Герман Аркадьевич Говоров».

Она замолчала.

Максим тоже.

Принтер за стеной перестал жужжать. В приёмной кто-то кашлянул. По стеклу окна медленно сползла мутная капля, хотя дождя, кажется, не было.

— Повторите, пожалуйста, — сказал Максим.

Елена Павловна повторила. Тем же голосом. Без нажима, без сочувствия.

— Что значит «вспомнит»?

— Условие сформулировано именно так.

— Это не юридический термин.

— Не совсем.

— Совсем не юридический.

— Завещатель имеет право включить в завещание условие, если оно не противоречит закону и нравственным основам.

— А это не противоречит?

— В данном случае оснований признать условие ничтожным на момент открытия дела нет.

Максим слегка откинулся на спинку стула. Спинка скрипнула — громко, некстати, почти неприлично для такого кабинета.

— То есть от меня требуется вспомнить человека, которого я не знаю.

— От вас ничего не требуется. Вы вправе принять наследство, отказаться от него или не совершать никаких действий.

— Нет, Елена Павловна, давайте без таких формулировок. Если я хочу получить наследство, я должен вспомнить.

— Да.

— А если не помню?

— Тогда условие не выполнено.

— И деньги куда?

— Дальнейший порядок указан в завещании. На этом этапе я не вправе раскрывать все положения документа.

Максим усмехнулся. Не потому, что было смешно. Просто лицо само выбрало самое короткое движение.

— Удобно.

— Я понимаю ваше недоумение.

— Не уверен.

— Юридически понимаю.

— Юридически я тоже могу понять. Человек умер, оставил деньги. Записал условие.

Вопрос в другом: почему я?

— В документе мотивы не объясняются.

— Он был моим знакомым?

— Я не располагаю такими сведениями.

— Но он знал мои паспортные данные.

— Да.

— Откуда?

— Это не указано.

Ответ был правильный. Слишком правильный, чтобы помочь.

Максим взял телефон и открыл контакты. Набрал: «Говоров». Пусто. Набрал: «Герман».

Один результат — автосервис «Гермес». В почте фамилии тоже не оказалось.

— Ничего, — сказал он. — Ни в контактах, ни в почте.

— Такое бывает.

— Что именно?

Она не ответила сразу.

— Люди не всегда сохраняют все связи.

— Десять миллионов обычно помогают связь сохранить.

— Не обязательно.

Он посмотрел на папку. Белая наклейка, чёрные буквы, ровные поля. «Говоров Г. А.»

Папка лежала так, будто всё в ней уже решено. Нужно было только, чтобы он пришёл и сел напротив.

— Чтобы принять наследство, я должен выполнить условие?

— Сначала вы можете подать заявление о принятии. Фактическая передача денежных средств — после выполнения условия.

— То есть я могу вступить в процесс, не понимая, во что вступаю.

— Можно сказать и так.

— А можно сказать нормально.

Елена Павловна впервые устало моргнула. Максим заметил это и тут же пожалел о резкости. Она не была источником этой нелепости. Она просто сидела между ним и бумагами.

— Простите. Я не к вам.

— Понимаю.

— Как это вообще должно проверяться? — спросил он. — Я могу завтра прийти и сказать: вспомнил. Он был соседом. Или клиентом.

— Будет составлен протокол заявления. После этого — сопоставление с приложением завещателя.

— То есть тест.

— Я бы не использовала это слово.

— А я бы использовал.

Елена Павловна вздохнула. Почти незаметно.

— Речь не об угадывании, Максим Сергеевич. Речь о выполнении условия.

Максим замолчал.

На столе между ними лежала папка. Слева от папки — печать. Справа — его паспорт. Почему-то паспорт сейчас выглядел чужим: обычная красная книжка, потрёпанный уголок, прозрачная плёнка на странице с фотографией.

— Мне нужна копия, — сказал он.

— Выписку я вам подготовлю.

Она нажала кнопку на телефоне.

— Антон, сделайте, пожалуйста, копию выписки по делу Говорова. Да, ту, где условие. Пока они ждали, никто не говорил. В коридоре снова заработал принтер.

Елена Павловна открыла нижний ящик и достала тонкий конверт кремового цвета. На нём не было ни марки, ни адреса — только в правом углу мелко напечатан номер дела. Она положила конверт рядом с папкой, но не подвинула к Максиму.

— Это тоже мне?

— Не сейчас.

— Что это?

— Материалы, подлежащие передаче в случае подачи заявления.

— Материалы от Говорова?

— Да.

— Он предусмотрел и это.

— Да.

Слово «предусмотрел» почему-то оказалось хуже, чем «оставил». Предусмотреть — значит сидеть, думать, раскладывать по порядку. Представлять, как другой человек войдёт в кабинет, сядет на этот стул, услышит фамилию, задаст вопросы.

Максим почувствовал, как пересохло во рту.

Кулер стоял в приёмной. Встать и выйти за водой было бы нормально. Но он не встал.

Дверь приоткрылась. Антон вошёл с копиями.

— Елена Павловна, вот.

Он положил листы на стол, бросил быстрый взгляд на Максима и сразу отвёл глаза. В этом взгляде не было знания. Скорее неловкость человека, который видел странный документ и теперь не понимал, как держать лицо.

Елена Павловна проверила копии, поставила отметку, подвинула листы Максиму.

— Здесь указаны ваши данные, сумма, условие и порядок дальнейшего обращения. Оригинал остаётся в деле.

Максим взял листы. Бумага была тёплой после принтера. На первой странице стояла его фамилия: «Бережной Максим Сергеевич». Ниже — фамилия Говорова. Рядом они выглядели странно, как имена людей, которых насильно посадили за один стол.

— Мне нужно сейчас что-то подписывать?

— Только подтверждение получения выписки. Это не означает принятия наследства.

Она протянула журнал. Максим расписался. Подпись вышла обычная, ровная. Это почему-то успокоило. Рука не дрожала. Значит, всё в порядке.

— Сколько у меня времени?

— Общий срок принятия наследства — шесть месяцев со дня открытия наследства.

— Со смерти?

— Да.

— Семнадцатое апреля, — сказал он.

— Да.

Он посчитал автоматически. До середины октября. Больше четырёх месяцев. Достаточно, чтобы найти любого Говорова, если тот действительно существовал в его жизни. Достаточно, чтобы доказать ошибку. Достаточно, чтобы не думать об этом сегодня.

— А если я вообще не хочу в этом участвовать?

— Вы вправе не участвовать.

Она сказала это без давления. И именно поэтому фраза не помогла. Если бы она уговаривала, Максим отказался бы сразу. Если бы пугала потерей денег, он бы разозлился. Но она оставляла дверь открытой, а за дверью лежало то, что почему-то было адресовано ему.

Она вложила выписку в прозрачный файл. Максим убрал её в сумку, паспорт — во внутренний карман. Проверил, застегнулся ли карман. Проверил ещё раз. Зачем-то.

Он уже сделал шаг к двери, когда Елена Павловна сказала:

— Максим Сергеевич.

Он остановился.

— Да?

Она смотрела не на него, а на закрытую папку.

— Есть ещё одна фраза. Наследодатель просил передать её при первом вашем визите.

Максим медленно повернулся.

— Фраза?

— Да.

— Это тоже условие?

— Нет. Просто фраза.

— Просто фраза от человека, который оставил десять миллионов незнакомцу.

Елена Павловна не стала поправлять «незнакомцу».

Она открыла папку, достала маленький лист. Не документ, не бланк. Половина страницы, напечатанная на обычной бумаге. Сычёва прочитала, не меняя голоса:

— «Он вспомнит, если захочет».

В кабинете стало очень тихо.

В Максиме поднялось раздражение — быстрое, горячее, почти стыдное. Страхом это назвать было бы слишком. Его вывело из себя не завещание и даже не деньги. Его вывела уверенность этой фразы: «если захочет». Будто дело было не в том, что он не знает никакого Говорова, а в том, что отказывается знать.

— Он так и написал?

— Да.

— Не «если сможет»?

— Нет.

— Именно «если захочет»?

— Именно.

Максим кивнул. Один раз. Очень спокойно.

— Передайте ему, что это сложно сделать, учитывая обстоятельства.

Елена Павловна молчала.

Он сам услышал, что сказал глупость. Передавать было некому. Герман Аркадьевич Говоров умер семнадцатого апреля. Остались папка, печать, закрытое приложение и эта фраза, лежащая между ними как чужой ключ без двери.

— Извините. Неудачно вышло.

— Ничего.

— Я пойду.

— Всего доброго.

В приёмной Антон поднялся из-за стойки.

— Вам всё выдали?

— Видимо, да.

— Если нужно будет записаться повторно, можно по телефону или через форму на сайте.

— Спасибо.

Максим взялся за ручку входной двери и вдруг заметил объявление рядом с кулером: «Восстановление утраченных документов — по предварительной записи». Обычная услуга. Утраченные свидетельства, дубликаты, архивные справки. Ничего особенного.

И всё-таки слово «утраченных» задержало его на секунду.

— Вам плохо? — спросил Антон.

— Нет.

— Воды?

— Не нужно.

Он вышел на улицу.

Воздух после кабинета показался сырым. Всё было как обычно. Город не обязан был менять выражение лица из-за чужого завещания.

Максим остановился под козырьком. Достал из сумки файл. Через прозрачный пластик виднелись две фамилии. Его и чужая.

Бережной Максим Сергеевич.

Говоров Герман Аркадьевич.

Никакого движения внутри. Ни узнавания, ни образа, ни неприятной догадки. Пусто.

Значит, всё просто. Либо ошибка, либо чужая игра, либо старый знакомый, которого он действительно забыл, потому что не обязан был помнить каждого встречного. Человеческая память не архив. Нельзя требовать от неё справку по запросу.

Он убрал файл обратно.

Телефон в кармане коротко завибрировал. Рабочее сообщение. Максим не стал читать. Постоял ещё секунду, глядя на отражение в стекле аптечной двери. Лицо было обычное. Немного усталое, но обычное. Человек вышел от нотариуса с нелепой бумагой и теперь вернётся к своим делам.

Всё можно проверить. Фамилию, дату смерти, наследственное дело, завещателя. Всё это имело внешнюю сторону. А внешняя сторона всегда проще. Её можно разложить по пунктам.

Он сделал шаг от козырька и только тут понял, что всё ещё сжимает в кармане паспорт. Пальцы так сильно вдавили обложку, что на коже остался край герба.

Максим разжал руку.

Ничего не произошло.

Просто кто-то умер и оставил ему десять миллионов за воспоминание.

Просто в папке лежала фраза, написанная заранее.

Он вспомнит, если захочет.